

С. Л. Кузьмин

ДВА ЯРЛА, ДВА КОНУНГА И ДВА ПОХОДА НА ГАРДАРИКИ

Судьбы людей и события иногда повторяются настолько, что, обращаясь к источнику, эту схожесть можно принять за литературное клише, особенно когда они происходят на одном и том же пространстве и не сильно разделены во времени. Однако в нашем случае речь пойдет о реальных исторических лицах и их действиях, вписанных в определенный исторический контекст. Сама же типичность ситуаций заставляет искать скрытые причины именно такого хода событий.

На рубеже X и XI столетий два норвежских ярла — Эйрик и Свейн — совершили с интервалом в 20 лет походы на Гардарики (Русь), причем достоверно известно, что первый захватил и разграбил Ладогу (Альдейгью/Альдейгьюборг).

Необходимо понять мотивы тех или иных поступков исторических персонажей, равно как и пружины, приводившие в действие механизм событий, развивавшихся по сходному сценарию. Для нас не так существенна вариативность реконструкций конкретных событий, важна периодически возникавшая ситуация, выражаясь карточной терминологией, давно перекочевавшей в сферу политологии, — расклад. Рассмотрим поближе наши карты. Начнем с главных — двух упомянутых ярлов и двух конунгов, их политических оппонентов в Норвегии, захвативших власть в стране с тем же двадцатилетним временным промежутком.

Эйрик и Свейн были сводными братьями по отцу — ярлу Хакону, правителю Норвегии (ок. 970–995), убитому в момент прибытия в нее Олава Трюггвассона. Они были одними из знатнейших людей Норвегии. Как и их отец, они правили страной достаточно продолжительное время, так

что в определенном смысле можно говорить о формирующейся династии. Однако было два «но». Первое — они не конунги, то есть не потомки Харальда Прекрасноволосого. Второе — власть они получали из рук датских конунгов, казалось бы, лишая страну ее суверенитета. Но эта формальность реально населением не ощущалась и не воспринималась. Ни датский конунг, ни ярлы не вмешивались в традиционные устои, а ярлы даже выступали в качестве хранителей привычного порядка. «Иноземные правители всегда были дальше от нас, и не вмешивались в наши обычаи, и довольствовались теми податями, которые им причитались», — так охарактеризовал эту ситуацию Снорри Стурлусон в «Круге Земном», вложив эти слова в уста «мелкого конунга» Хререка (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. XXXVI. Цит. по: *Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980*). Однако при всех своих личных достоинствах и влиянии ярлы оказывались бессильными перед маятником истории, когда настроения общества качались в сторону перемен, олицетворением которых становились конунги.

Если верить традиции саг, Олав Трюггвассон являлся потомком объединителя Норвегии конунга Харальда Прекрасноволосого. Мать с младенцем Олавом бежала в Швецию, а оттуда отправилась к брату Сигурду в Гардарики (Русь), но попала в плен к морским разбойникам и была разлучена с сыном. Так будущий конунг Норвегии оказался в рабстве у эстов в возрасте трех лет. В девять лет он прибыл на Русь, в Новгород (Хольмгард), куда его инкогнито привез дядя по матери Сигурд, собиравший с эстов дань для князя Владимира («Вальдамара» саг). Ни Олав, ни Сигурд так и не раскрыли на Руси тайну его происхождения. Олаву покровительствует княгиня Аллогия (Рогнеда?). Мальчик рос в полиэтничной, полилингвистической среде, вероятно, заново осваивая родной язык, который до конца не стал для него органически близким¹. В своих долгих походах после отъезда с Руси он представлялся как Али из Гардарики. Закрадывается подозрение, а не был ли Олав Трюггвассон «невольным» самозванцем, но это уже отдельный сюжет².

Олав, сын Харальда Гренландца, пасынок «мелкого конунга» Сигурда Свины, ведущего жизнь бонда, с 12 лет беспрестанно ходит в викингские походы или служит в качестве наемника. Только в зрелом по тем временам возрасте будущий Олав Святой решает взять власть в Норвегии.

Таким образом, перед нами две пары антагонистов практически во всем: в происхождении, своем прошлом опыте, сложившемся образе жизни и действий. Парадокс, что признающие главенство датских конунгов ярлы

Эйрик и Свейн, став христианами, выступают защитниками «языческой старины». А конунги, прошедшие на чужбине молодые годы, перекасти-поле, конунги-викинги, как чутко определил их Г.С. Лебедев, выделив в особый тип политического деятеля³, решительно ломают прежние порядки. Временами они действуют в своей стране как захватчики, но при этом объективно отстаивают ее независимость. Особенно рельефно противоположность проступает в вопросе о вероисповедании: ярлы предоставляли здесь полную свободу, конунги были ярлыми христианизаторами. Естественно, что в одной стране не могли ужиться не только они, но и их сторонники. Однако борьба ярлов и конунгов — только вершина разламывающегося айсберга норвежского общества поздней стадии варварства, в момент завершения кристаллизации государственности и начала финального этапа эпохи викингов. Она отражение двух моделей развития — плавного и радикального.

Можно задать вопрос: какое отношение имеет все это к двум походам на Гардарики? Думаю, прямое. Эти походы были не просто набегам викингов, а инструментом в борьбе за власть в Норвегии, органичным элементом в игре, где были задействованы и другие карты, в первую очередь тезка конунгов — шведский конунг Олав Эйрикссон, прозванный Шетконунгом.

Надо заметить, что во все эпохи личное отношение правителей друг к другу сказывалось на политике. Но в те времена, когда субъекты политики персонифицировались в лице их властителей, оно приобретало особое значение. А личные отношения часто обретали не столько рациональный, сколько эмоциональный характер, хотя никто не отрицает объективных противоречий, которые, кстати, те же лица призваны были разрешать.

Олав Шетконунг пришел к власти в Швеции одновременно с Олавом Трюггвассоном, захватившим ее в Норвегии (995). Неудачное сватовство амбициозного норвежца к его матери, Сигрид, явно не способствовало симпатиям молодого шведского конунга к сыну Трюггви: расставание несостоявшихся супругов сопровождалось ударом перчатки по лицу женщины. Слова, брошенные разозленной матерью шведа («Это может привести к твоей смерти»), оказались пророческими: Сигрид Гордая вышла замуж за датского конунга Свейна, одного из участников кровопролитной «битвы трех конунгов» при Свельде, в которой Олав Трюггвассон нашел свой конец. Напротив, Олав Харальдссон (будущий Святой) «имел зуб» на ту же Сигрид Гордую, спалившую его отца Харальда Гренландца в доме на своей

усадьбе, тоже жениха-неудачника (Круг Земной. Сага об Олаве сыне Трюггви. XLIII, LXI, XCI, XCVIII).

Трудно сказать, в какой степени эти обстоятельства реально влияли на отношения Швеции и Норвегии в целом, но то, что сказывались, — несомненно. В частности, люди, враждебные норвежским конунгам, всегда могли найти пристанище в Швеции, она служила потенциальной площадкой для прыжка на норвежский престол. Ситуацию подогревали раздоры из-за пограничной области Гаутланд⁴. Она имела важное значение, поскольку является южным окончанием Скандинавского полуострова, здесь сходились пути, ведущие с Балтики в Северное море и дальше на запад. Для Швеции же ее присоединение к Свеаланду означало окончательное объединение страны.

Гаутландом в конце X — начале XI века правит ярл Регнвальд (Рагнвальд). О его роли в Скандинавии говорит хотя бы тот факт, что он был двоюродным братом Олава Шетконунга и мужем Ингебьерг, сестры Олава Трюггвассона⁵. При этом ярл вел самостоятельную политику в интересах своих владений. В частности, Регнвальд сумел худо-бедно урегулировать отношения между Олавом Шетконунгом, конунгом Швеции, и Олавом Харальдсоном, конунгом Норвегии, способствуя браку последнего с дочерью первого, что стало залогом мира между странами и безопасности самого Гаутланда. Правда, норвежец хотел жениться не на Астрид, а на другой дочке Шетконунга — Ингигерд, а швед сохранял к зятю неприязнь, по-прежнему называя его «толстяком» (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LXVII–LXXI, LXXXVII–XCIII и др.).

Оба похода ярлов на Гардарики состоялись по примерно одинаковой схеме: бегство от конунгов из Норвегии — хороший прием Олава Шетконунга в Швеции — поход на Гардарики (с вариациями).

Эйрик в 995 году отъехал в Швецию, не имея сил противостоять Олаву Трюггвассону. Приняв Эйрика с его родичами (среди которых был брат Свейн), Шетконунг «дал ему большие пожалования, так что он мог хорошо содержать себя и свою дружину». Но «много людей, бежавших из Норвегии, когда к власти пришел конунг Олав сын Трюггви, стеклось к Эйрику ярлу». С одной стороны, это внушало надежду на их поддержку и содействие внутри страны в борьбе за власть. С другой стороны, этих людей надо было обеспечить, вряд ли шведский конунг мог одарить всех желающих, как Эйрика. Чтобы не растерять сторонников и обеспечить им независимые от милости сеев средства существования, Эйрик мог прибегнуть только

к традиционному способу — уходу «в викинги»: «Эйрик ярл решил тогда снарядить корабли и отправиться в викингский поход за добычей себе и своим людям». Борьба за власть требовала ресурсов, людских и материальных.

Все дальнейшие события отражены в поэме «Бандадрапа», созданной при жизни Эйрика и послужившей основным, а похоже и единственным источником для Снорри Стурлусона (Круг Земной. Сага об Олаве сыне Трюггви. ХС). Вначале он грабил на побережье Готланда и перебил экипажи нескольких кораблей викингов у южного берега Балтики. Наконец, перезимовав в Швеции, «весной ярл снарядил свое войско и затем поплыл в восточные страны». Цель похода была вполне определенной. Как пел в «Бандадрапе» Эйольв, современник Эйрика, его скальд и возможный участник событий:

Прошел мечом землю
Твердо знаю, в Гардах,
Вальдамара смерти,
Повергатель ратей,
Врагов обрекая,
Альдейгье погибель
В побоищах воин
Уготовил стойкий.

Обратим внимание, что в прозаическом тексте, предваряющем в «Круге Земном» эту цитату, говорится о Гардарике и Альдейгьюборге, то есть Снорри использовал более близкие ему по времени топонимы. Вероятно, именно из такого названия Ладоги-Альдейгьи (Альдейгья + борг) он сделал заключение о ее укрепленном характере и написал об осаде. Археологические данные не подтверждают существования в Ладоге укреплений на рубеже X–XI веков, а вот о строительстве каменной крепости в 1116 году есть известия в летописях⁶, и ее остатки выявлены археологами. Основная масса ладожской застройки времени нападения Эйрика, в том числе домов богатого слоя горожан, даже если имелась деревянная крепость на стрелке р. Ладожки (что весьма сомнительно), никак не была защищена, в отличие, например, от таких раннегородских центров Балтики, как Бирка, Хедебю или Гнездово на Руси. Так что, судя по археологическим данным, Ладога стала сравнительно легкой добычей без помощи со стороны Новгорода и князя. Почему она не была оказана, отдельная тема.

Другая странность текста «Круга Земного» заключается в том, что «Эйрик провел в этом походе пять лет», хотя сам же Снорри сообщает о его дальнейших перемещениях по Балтике с периодическими возвращениями в Швецию. Разумеется, процитированная фраза могла означать именно эти события, последовавшие за захватом Ладоги. Но не стоит ли за ними что-то еще, например, попытка удержаться в Приладожье, оставив здесь часть своего войска или периодически отправляя его туда?

Так или иначе поход на Гардарики был продуманным военным предприятием, звеном в цепи последовавших за ним дипломатических шагов, увенчавшихся заключением союза, скрепленного брачными узами. Эйрик женился на дочери датского конунга Свейна Вилобородого, а тот, в свою очередь, — на Сигрид Гордой. Через три года после похода на Гардарики объединенная рать шведского и датского конунгов совместно с войском Эйрика в ожесточенном морском сражении сокрушила Олава Трюггвассона. Сам конунг утонул, хотя упорно ходили слухи, что он спасся. Эйрик долго правил в Норвегии вместе с братом, приняв христианство. Умер он от ран в походе на Англию.

Мысль о походе в «землю Вальдамара» как просто о мести Владимиру Святославичу, взрастившему Олава Трюггвассона, слишком всё упрощает. Во-первых, и княгиня Аллогия-Рогнеда, и Олав, которому она покровительствовала в свое время, давно находились в немилости у князя. Во-вторых, можно поискать причины, почему Эйрик считал, что земли на севере Руси окажутся легкой добычей.

Насколько мне известно, никто ранее не связывал в единый контекст обстановку в Скандинавии, походы норвежских ярлов-изгнанников и ситуацию на Руси. Поход Эйрика традиционно датируют 997 годом, с чем в принципе можно согласиться. В 990-е годы усилилась «печенежская опасность». В «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) имеются известия под 992 и 996 годами о столкновениях с печенегами при личном участии Владимира, причем во время последнего князь чуть не угодил в плен, а вообще летопись характеризует обстановку как «бе бо рать велика бес перестани». Необходима была традиционная помощь Северной Руси. Под 997 годом (!) ПВЛ сообщает: «Володимиру же шедшо Новугороду по верховьние вои». В это время печенеги осадили Белгород. Важнейший пункт, «ворота Киева», был близок к сдаче. Владимиру в этой критической ситуации стало не до Ладоги. В момент нападения Эйрика князь с северными воями или уже находился на юге, или двигался туда. Надо полагать, что данные обстоятельства и обеспечили успех похода ярла, хотя о каких-то

«побоищах», то есть вооруженном сопротивлении, «Бандадрапа» говорит. Преувеличивать масштаб событий не стоит. Скальды не вращали о подвигах своих героев (тем более при жизни), но, безусловно, их гиперболизировали.

Из вышесказанного можно заключить, что поход на Ладогу-Альдейгью был задуман с учетом обстановки на Руси (сведения о ней могли быть получены как на Готланде, так и в самой Швеции). Похоже, что Олав Шетконунг убивал двух зайцев, если одобрял такое предприятие: удалял из своих владений беспокойное воинство, раздражающее норвежского соседа, и мог надеяться на захват земель на востоке, о которых эпическая память свеев твердо хранила предание как о бывшей собственности. Известен случай прямого упрека конунгу на тинге в том, что в отличие от предков он не совершает походов на восточные земли (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LXXX).

Ярл Свейн потерял власть над Норвегией в результате битвы при Несьяре весной 1017 года и бежал в Швецию. Ситуация двадцатилетней давности повторилась. Поговорив с Шетконунгом и заручившись его поддержкой, Свейн решил вновь бороться за Норвегию. «А летом они решили отправиться в поход в Восточные страны, чтобы добыть себе добра» (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LIV). Свейн не делал годовой паузы, подобно брату. Цель похода сразу была ясна — Гардарики. Заметим, что Свейн, по всей вероятности, участвовал в походе Эйрика. Ему и людям из его дружины путь на восток был знаком не понаслышке. Обстановка на Руси позволяла надеяться — предприятие будет успешным. Дело в том, что после смерти Владимира в 1015 году здесь разразилась междоусобица. Одержав победу над Святополком, Ярослав, судя по Лаврентьевскому списку ПВЛ, на время вернулся в Новгород, но в 1017 году вновь отправился в Киев, где случилось бедствие — погорели церкви⁷. Вдобавок нависала угроза большой войны с Польшей, куда бежал Святополк. Известия об этих обстоятельствах могли быть получены от возвращавшихся домой варяжских наемников Ярослава, участвовавших в походе на Киев в 1015/1016 годах.

«Круг Земной» сообщает, что Свейн «со своим войском» все лето грабил селения в Гардарики, не уточняя, где и какие. Записанные несколько ранее «Круга Земного» «Легендарная сага об Олаве Святом» и «Красивая кожа» дополняют эти сведения⁸. В них упоминается Кирьялаланд как исходный пункт нападения в первом источнике и как конечный во втором. Собственно противоречия здесь нет, если Свейн двигался

одним и тем же путем туда и обратно — вдоль южного побережья Финляндии, мимо Выборгского залива, где и локализуется Кирьялаланд, с последующим выходом в Ладожское озеро к устьям впадающих в него рек, путей продвижения «вверх в Гардарики». Как традиционный морской участок военного вторжения, он известен и позднее, например использовался в 1348 году шведским королем Магнусом, стоявшим какое-то время у Березовых островов⁹. Собравшись назад в Швецию, осенью Свейн умер.

Ладога/Альдейгья/Альдейгьюборг в рассказах о походе Свейна не упомянута. Но странно было бы, если целью крупного похода норвежского ярла стали обычные поселения, какие он мог грабить и на территории эстов, и на землях ливов. Некоторые данные предоставляет археология.

В раскопе В.П. Петренко на Варяжской улице в Старой Ладоге два верхних яруса застройки (II и III «основные горизонты», по его терминологии) в слоях, содержащих органические остатки, носят следы пожара. Фрагментарно сохранившийся XI ярус Земляного городища, синхронизируемый с III «основным горизонтом» Варяжской улицы, для которого есть дендродата 995 год, тоже имеет такие следы. Мной была предложена интерпретация этих пожаров как археологических свидетельств разгрома Ладоги в ходе нападений Эйрика и Свейна¹⁰. С ней согласился ряд исследователей¹¹. О.И. Богуславский полагает, что наблюдаемое в Юго-Восточном Приладожье «смещение» памятников в глубинные районы как-то связано с порожденной походами ярлов нестабильностью¹².

Связанные с событиями в Скандинавии походы норвежских ярлов, использовавших благоприятное для них кризисное положение на Руси, привели к актуализации проблемы надежной защиты ее северных территорий. Ладога была не только воротами на пути «из Варяг в Греки». Ее роль как плацдарма для древнерусской колонизации, освоения будущего Русского Севера возрастала в течение X века, несмотря на усиливающееся с конца столетия влияние Новгорода. Материалы так называемой приладожской курганной культуры, пережившей расцвет в 920–1020-е годы, пик которого, по мнению О.И. Богуславского, приходится на 920–950-е годы¹³, показывают как связь населения Юго-Восточного Приладожья с районом Ладоги, так и, возможно, прямые контакты со Скандинавией. Сформировавшуюся здесь своеобразную этнокультурную общность Д.А. Мачинский достаточно аргументированно соотнес с загадочными колбьягами «Русской Правды»¹⁴. С существенными оговорками такую интерпретацию можно признать.

Связь населения Ладоги и Юго-Восточного Приладожья и с Русью, и со Скандинавией (вероятно, преимущественно с Готландом и Швецией), но в то же время видимая обособленность от них превращали эти земли в как бы «ничейные», обладать которыми хотели все¹⁵, в первую очередь русские князья и шведские конунги. Успешные походы Эйрика и Свейна не привели к захвату данной территории, да и серьезной задачей вряд ли его ставили. Однако они на некоторый промежуток времени нарушили движение по пути с Балтики на Русь через Новгород, увеличив значение его конкурента и противника — Полоцка. И Владимир, и Ярослав зависели от регулярного притока варягов-наемников, главным «резервуаром» которых выступали Готланд и Швеция, поскольку норвежских и датских ловцов воинской удачи поглощала борьба за Англию.

Вслед за Е.А. Рыдзевской О.И. Богуславский логично рассматривает брак Ярослава и Ингигерд, оговоренный конкретными условиями, как выход из тупика «ладожского кризиса»¹⁶.

Стоит отметить, что Ярослав сватался к Ингигерд еще летом 1018 года, но получил от ее отца Олава Шетконунга лишь обещания. Шведский конунг рассуждал здраво, он не хотел рисковать, ведь исход борьбы между Ярославом и Святополком не был решен, кроме того, последний явно в нем выигрывал. Польское войско Болеслава Храброго, тестя Святополка, разбило Ярослава на Буге, и он, бросив остатки рати, бежал в Новгород, собираясь скрыться «за море», подобно своему отцу в такой же тяжелый момент. Только решимость новгородцев во главе с посадником Константином Добрыничем позволила ему продолжить борьбу и, опираясь на северных воев, а также вновь нанятых варягов (уж не выступали ли сваты и в качестве вербовщиков?), повторить успех трехлетней давности.

Согласие на брак дочери Шетконунг дал только после утверждения Ярослава в Киеве. Условия замужества предполагали свадебный дар (вено) князя: «...все владения ярла Альдейгьюборга и сам Альдейгьюборг» (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. ХСIII). Судя по саге, другим условием, которое, как и первое, Снорри приписал желанию Ингигерд, было отбытие вместе с ней на Русь ярла Регнвальда. Несмотря на то что его лояльная по отношению к Олаву Харальдсону позиция и независимое поведение раздражали Шетконунга, по большому счету это условие конунга устраивало. В связи со смертью Свейна шведский конунг вряд ли мог рассчитывать на скорые перемены в Норвегии, а угрозы в адрес гаутландского ярла были пустыми словами. Власть шведских конунгов была не настолько сильна:

достаточно вспомнить тинг в Уппсале с угрозами бондов в адрес самого Олава Шетконунга (Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LXXX). Отбытие могущественного и строптивого ярла усиливало позиции конунга в Швеции и давало повод говорить о «возвращении» земель на востоке, поскольку Ладога оказалась в «собственности» его дочери. Детальный разбор правовых аспектов «свадебного дара» Ярослава, проведенный В.О. Казанским¹⁷, позволил ему заключить, что формально при жизни Ингигерд-Ирины в 1019–1051 годах Ладога была совместным русско-шведским владением (следует уточнить — жена Ярослава скончалась в 1050 году). Старейшему Регнвальду уход на Русь был тоже на руку — вечно быть между молотом и наковальней шведско-норвежских противоречий, персонифицированных в личной вражде конунгов, становилось все тяжелее. Фигура Регнвальда во главе полунезависимого от Ярослава и независимого от Новгорода ярлства оказалась приемлемой для всех.

В 1020-х годах обстановка на Руси и в Скандинавии, а также между ними стабилизировалась. Когда же настроения в Норвегии поменялись вновь не в пользу конунга, мы наблюдаем обратную картину. Теперь русский князь становится покровителем изгнанников, а Новгород — отправной точкой в борьбе за возвращение или обретение власти в Норвегии. Ладога же оказывается промежуточным пунктом на пути из Скандинавии в Гардарики и обратно, местом, где у Регнвальда и людей его окружения можно было узнать свежие новости и рассчитывать на дипломатическую поддержку.

* * *

¹ В этом контексте любопытен эпизод, произошедший в его детище — Нидаросе. Олав Трюггвассон, прогуливаясь по городу, встречает известного скальда Халльфреда и просит его продемонстрировать свое мастерство, сочинив вису, где в каждой строке было бы слово «меч» (он его только что подарил). Вероятно, что саму по себе красоту хитрой вязи словес кеннигов конунг до конца не оценивал. Хотя возможны и иные трактовки. Во всяком случае он висы никогда не писал, в отличие от других конунгов.

² Сюжет о «самозванчестве» напрашивается сам собой. Начало и конец саги развиваются по закону этого жанра. Было ли «невольное самозванчество» реальностью или действительно Али из Гардарики был сыном Трюггви, а не ловко использованным Сигурдом варяжским мальчиком, привезенным из эстского рабства в Новгород-Хольмгард, определенно утверждать нельзя. В конце концов и сам Сигурд мог заблуждаться, или хозяева мальчика могли «набивать цену». В этом отношении показательна судьба его матери, также очутившейся в рабстве у эстов. Ее выкупил знатный норвежец Лудин с условием выйти за него замуж (Круг земной. Сага об

Олаве сыне Трюггви. LIJ). Странно, что мать не предпринимала попыток встретиться с сыном, а он — с ней. Впрочем, Лодин мог побывать в землях эстов либо до прихода к власти в Норвегии Олава Трюггвассона, либо после его гибели. Женщина, соответственно, или могла скончаться до возвращения Олава в страну, или поездка Лодина произошла позднее смерти конунга (последнее менее вероятно).

³ *Лебедев Г.С.* Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) // Политические деятели Античности, Средневековья и Нового времени. Л., 1983.

⁴ Спорные территории, с которых собирали подати представители конунгов Норвегии и Швеции, не ограничивались Гаутландом. Дело иногда доходило до кровопролития (например, в Ямталанде: Круг Земной. Сага об Олаве Святом. LXIII).

⁵ Подробнее о родственных и матримониальных связях Регнвальда, его происхождении и роли в скандинавской политике, а также христианизации Швеции см.: *Казанский В.О.* Ярл Регнвальд Ульвссон и христианизация Вестергетланда в начале XI века // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3. С. 20, 204.

⁷ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. 1. С. 142.

⁸ *Джаксон Т.Н., Спиридонов А.М.* Древнескандинавские письменные источники // Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 102–105.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. С. 359.

¹⁰ *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога. Л., 1985; *Кузьмин С.Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб., 1997. Т. 1.

¹¹ Например: *Богуславский О.И.* Юго-Восточное Приладожье и Ладожская земля (вопросы соотношения) // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. СПб., 2006.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 30–37.

¹⁴ *Мачинский Д.А.* Колбязи «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. Вып. 1: Археология тихвинского края; *Кулешов В.С., Мачинский Д.А.* Колбязи // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

¹⁵ Обособленность «Ладожского ярлства», «Ладожской земли» с отдельным правлением видна из желания Ингигерд получить «все владения ярла Альдейгьюборга и сам Альдейгьюборг». Для XI века саги отмечают ситуацию, когда прибывающие свободно в Ладогу-Альдейгьюборг норвежцы спрашивали для дальнейшего движения в Новгород-Хольмгард «мир для проезда». Разрешение князь может дать только при согласии со своими мужами, по всей вероятности, новгородскими боярами. Представляется, что границей между Ладожским ярлством

и собственно Новгородской землей в это и более раннее время служили Волховские Гостинопольские пороги. Она маркируется фактически единым комплексом археологических памятников Новые Дубовики — Михаил Архангел, локализуя у северной оконечности порогов, по обоим берегам р. Волхов.

¹⁶ *Рыдзевская Е.А.* «Россика» в исландских сагах // *Древняя Русь и Скандинавия*. М., 1978. С. 67; *Богуславский О.И.* Юго-Восточное Приладожье... С. 39.

¹⁷ *Казанский В.О.* Еще раз о свадебном даре Ярослава Мудрого Ингигерд, дочери Олава Шетконуга // *Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Шестые чтения памяти Анны Мачинской*. СПб., 2002; *Он же.* Ладожское ярлство в висе Олава Харальдссона // Там же.